

14. *Щербинин А. И.* «Я русский бы выучил только за то...» Изучение языка как средство конструирования картины тоталитарного мира в сознании советских школьников / А. И. Щербинин // Полис. – 2000. – № 1. – С. 124–141.
15. *Щербинин А. И.* Тоталитарная индокринация: у истоков системы (Политические праздники и игры) / А. И. Щербинин // Полис. – 1998. – № 5. – С. 79–96.
16. *Щербинин А. И.* Политический мир России / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина. – Томск : Водолей, 1996. – 256 с.
17. *Easton D.* Children in the Political System / D. Easton, J. Dennis. – New York : McGraw-Hill, 1969.
18. *Greentein F.* Children and Politics / F. Greentein. – New Haven, Connecticut : Yale University Press, 1965.
19. *Wolfenstein M.* Children and the Death of a President / M. Wolfenstein, G. Kliman. – New York : Doubleday, 1965.
20. *Green F.* Elementary-School Children's Interests in the Social Science as Revealed by Forced Choice Questionnaire / F. Green. – Dissertation Abstracts. – 1968. – September. – 760-A.
21. *Wann K.* Fostering Intellectual Development in Young Children / K. Wann. – New York : Teachers College, 1962.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ «СНИЗУ»

М.А. Молокова
(Россия, г. Курск)

Гражданское общество является тем пространством, в рамках которого происходит формирование и сохранение социального капитала, который цементирует страну «снизу». Именно это обеспечивает устойчивость общества, вне зависимости от политических перестановок «сверху». Социальный капитал в этом смысле формирует основы устойчивого социального и политического порядка. Обеспечивает возможность добровольного коллективного поведения. В конечном счете, социальный капитал, протягивая нити доверия и социальной солидарности, помогает упрочить каркас общества, содействуя его демократической, а не навязанной, гомогенной консолидации. Важную роль в этом процессе играет характер взаимодействия власти и гражданского общества. Очень важно, чтобы усилия по развитию социального капитала стали результатом совместных усилий этих субъектов. А совместные усилия этих сторон, поиск баланса их стратегических интересов может развиваться только в рамках социального партнерства в области общественных отношений.

Ключевые слова: модернизация, гражданское общество, социальный капитал, доверие, демократическая консолидация, взаимодействие.

The civil society is that space in which frameworks there is a formation and preservation of the social capital which cements the country "from below". It provides stability of a society, without dependence from political shifts "from above". In this sense the social capital forms bases of a steady social and political order, provides a possibility of voluntary collective behavior. Finally, the social capital, stretching threads of trust and social solidarity, helps to strengthen a society frame, promoting its democratic, not the imposed, homogeneous consolidation. The important role in this process is played by character of interaction of the power and a civil society. It is very important, that efforts on development of the social capital became the result of joint efforts of these subjects. And joint efforts of these parties, search of balance of their strategic interests can develop only within the limits of social partnership in the field of public relations.

Key words: civil society, social capital, trust, democratic consolidation, the interaction.

Связующим фактором между инновационной модернизацией, инновационным типом развития и гражданским обществом является феномен «социального капитала» (далее СК). СК – это продукт организованного взаимодействия, имеющий общественную, а не индивидуальную природу. По мнению американского социолога А. Портеса, экономический капитал находится на банковских счетах, человеческий капитал – в головах людей, социальный же капитал присущ структуре человеческих отношений. Он включает в себя горизонтальные связи между людьми, социальные сети и соответствующие нормы, которые воздействуют на продуктивность и благосостояние различных сегментов сообщества. В современной научной литературе по

политологии, социологии исследователи все чаще стали использовать понятие «социальный капитал» для анализа источников формирования и функционирования разного рода социальных связей, сетей, объединяющих людей и, вместе с тем, поддерживающих динамичное развитие общества. Кроме того, ученые выявили прямую зависимость объема социального капитала в обществе от уровня доверия и общественной активности граждан. Последние исследования 1990-х гг. Р. Патнэма показали на существенную связь социального капитала с существованием гражданского общества. Исследуя взаимозависимость культуры и экономического благосостояния различных сообществ, он пришел к выводу, что материальное благосостояние не является причиной развития социального капитала, но, наоборот, *экономический рост происходит в тех странах, где имеется развитая гражданственность* [10, с. 16–17]. Почему? Распространенность многообразных локальных сетей и высокая степень доверия внутри них способствует быстрому и эффективному принятию коллективных решений и стимулирует совместные действия. Отсюда – СК – «есть определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат доверия между его членами» (Фукуяма Ф.), т.е. СК – это форма материализованного доверия. Сеть между родственными по интересам группам в обществе, между административными структурами и лидерами бизнеса, между бизнесом и профсоюзами является необходимой социальной платформой для создания правил, а также процедур контроля над их выполнением. Взлет японской экономики и других «азиатских тигров» не в последнюю очередь связан с традиционно высоким доверием граждан друг к другу и к институтам власти. Дефицит доверия частично восполняется жесткими вертикалями и жестким планированием.

Принято считать, что в научный оборот термин «социальный капитал» ввели ученые Л.Дж. Ханифан и Дж. Якобс [19]. Однако, развитие, широкое распространение в науке и глубокую концептуализацию концепция социального капитала получила лишь во второй половине XX в. Это связано с именами таких ученых как: Н. Лин, П. Бурдье, Дж. Коулман, Г.С. Беккер, С.П. Боргатти, А. Портес, Р.Д. Патнем, Ф. Фукуяма и ряд других [4, 7, 14, 17, 20, 24, 25].

Необходимо обратить внимание на то, что, начиная с 1980-х гг. концепция социального капитала стала широко применяться в экономике и социологии, но лишь недавно получила развитие в политической науке.

Американский ученый, профессор Гарвардского университета Р.Д. Патнем был первым, кто применил концепцию социального капитала для изучения проблем демократии [25, 27]. По его мнению, социальный капитал «представляет собой элементы социальной организации, таких как взаимное доверие, моральные нормы, взаимопомощь, которые способствуют взаимодействию и сотрудничеству членов общества к их взаимной выгоде» [25, р. 68]. Р.Д. Патнем так же выдвинул и обосновал положение о том, что социальный капитал накапливается в процессе участия граждан в организациях и ассоциациях гражданского общества и, в конечном счете, приводит к активизации общественной жизни страны в целом. Вовлекаясь в работу ассоциаций, люди повышают личную гражданскую компетентность, учатся сотрудничать друг с другом, добиваться коллективных целей, артикулировать и агрегировать социальные интересы. Данная ассоциативная активность способствует укреплению во взаимоотношениях людей норм взаимной поддержки, солидарности и создает условия для возникновения общественного доверия.

Известный американский социолог и экономист, один из главных разработчиков концепции социального капитала, Дж. Коулман в своих рассуждениях так же исходил из того, что социальный капитал «представляет собой ценность аспектов социальной структуры для акторов как ресурсы, которые они могут использовать для достижения своих целей» [7, с. 126]. Он был одним из первых, кто указал на наличие взаимосвязи между социальным капиталом и доверием. Социальный капитал способен повысить эффективность общества благодаря консолидации действий людей. По мнению Дж. Коулмана, такого рода эффективность порождает доверие, измеряемое, во-первых, с точки зрения норм взаимности на основе обоюдной

поддержки (доверие к общественным и политическим институтам) и, во-вторых, на основе тесно связанных систем гражданских обязательств, способствующих «всеобщему доверию» (межличностный уровень). Таким образом, как видим, Дж. Коулман, вслед за Р.Д. Патнемом, делал особый акцент на том, что социальный капитал нельзя «накопить» без высокой степени доверия среди членов группы. Ведь доверие является одним из важнейших элементов, без которого невозможно функционирование социального капитала.

В этом с ним солидарен американский политолог Ф. Фукуяма, считающий, что доверие применяется в качестве «смазки», позволяющей группе или организации функционировать более эффективно.

Сегодня большинство ученых при анализе социального капитала ведущую роль отводят доверию [21, р. 30]. Важнейшим операциональным преимуществом доверия, в сравнении с социальным капиталом, является возможность его количественной оценки.

Как показывает практика, качественные и количественные характеристики социального капитала, доверия, их внутреннее содержание и функции претерпевают серьезные изменения, прежде всего, в период глубоких социально-экономических и политических трансформаций. Необходимо отметить, что в данном исследовании «социальный капитал» предлагается понимать как *сознательную деятельность отдельных индивидов, организаций, социальных групп и общества в целом в рамках социальных сетей и солидарных связей на основе доверия, общих норм, формальных и / или неформальных правил и убеждений для достижения определенных целей*. При этом будем учитывать так же, что социальный капитал пронизывает весь спектр горизонтальных и вертикальных связей, существующих в обществе, координируя совместную деятельность людей.

Россия, как и многие посткоммунистические страны, отличается низким качеством и уровнем развития социального капитала. Так, в своем исследовании Т. Николс делает вывод о том, что современная Россия представляет собой страну, «испытывающую практически полное отсутствие социального капитала, и что в этом дефиците заключается наиболее исчерпывающее объяснение ее проблем» [22, р. 634]. К тому же, его «систематическая эрозия в период до 1991 г. во многом объясняет серьезные проблемы, возникающие в процессе постсоветской демократической консолидации» [22, р. 631]. В этом утверждении его поддерживает Р. Патнем, считая, что не только Россия, а «почти все бывшие коммунистические страны имели слабые традиции гражданского общества до прихода коммунизма, а тоталитарное правление свело на нет даже этот ограниченный запас социального капитала» [27, р. 183]. Отказывает России в наличии свойств социальной солидарности и сплоченности Ф. Фукуяма, полагая, что Россия, как и многие посткоммунистические страны относятся к числу подлинно индивидуалистических обществ, «члены которых не умеют объединяться друг с другом» [14, с. 57].

Согласиться с этими выводами полностью не представляется возможным. Так, например, Н. Ор в своем исследовании, посвященном анализу социального капитала в России, приходит к выводу, что он все же не был полностью разрушен советским режимом. Причиной этого стало то обстоятельство, что главными формами существования социального капитала в России всегда были семья, тесные родственные и дружеские связи, а отнюдь не общественные организации. Как известно, взаимопомощь, взаимоподдержка являются прочной основой существования подобных отношений. Более того, они выступают источником развития данных связей. Поэтому, как справедливо отмечает Н. Ор, обращаясь к истории России, «те человеческие отношения, которые помогли людям выжить в условиях жесткой принудительной экономической и политической системы, помогают им пережить сегодняшний хаос» [23, р. 1]. Подобной точки зрения придерживается и российский общественный деятель, экономист А.А. Аузан, указывающий на то, что «в 1970–1980 гг. в СССР были созданы огромные запасы социального капитала, были многочисленные элементы гражданского общества – от экономико-математической школы в МГУ до московских кухонь. Именно там производился социальный капитал» [3]. Однако с начала 1990-х гг. началось его система-

тическое «разрушение». Одной из причин этого процесса стала резкая ломка прежней (советской) системы ценностей, которые выступали в качестве системообразующих и консолидирующих общество. Политики-«младолибераль», пришедшие к власти в стране в начале 1990-х гг., направили все усилия на дискредитацию данной системы ценностей. При этом они практически ничего не сделали для того, чтобы новая (западная лишь по названию) система ценностей стала органичной частью современного российского общества, а не вступала бы в противоречие с нравственными установками и нормами большинства граждан. Обществу не было предложено цельной, непротиворечивой системы ценностей. Сегодня многие эксперты утверждают, что мы наблюдаем системную деградацию общества, в котором размыты социально-этические нормы, т.е. представление о том, что законно, справедливо и нравственно. Апатия, разочарование, нравственная дезориентация сознания зашкаливают сегодня за критическую точку, когда происходит утрата ценностных ориентиров жизни. Вопрос стоит принципиально: сумеет ли российский народ помимо задач материально-технологического свойства выстроить и возродить духовную жизнеспособность нации?

Современная российская практика безнравственного, циничного обогащения коренится во взглядах постсоветских слоев партийной и государственной номенклатуры позднебрежневской эпохи. Многотысячная армия чиновников и их семей развилась в феномен мощной, хищной и своеобразной в субкультурном отношении клановой олигархии. Эта идеология безнравственного обогащения основывалась на *рентоориентированном поведении*, как правило, малокультурных людей, сколотивших свое состояние несправедливым путем. Таким образом, традиционно российское недоверие к институтам власти в России усугубилось «социальными травмами» от насильственного и разрушительного по результатам внедрения в его тело неолиберальных ценностей. В российском обществе еще полностью не завершен «реабилитационный период» после «травмы», полученной в 1990-е гг., и новая, объединяющая всех граждан, система ценностей до сих пор не сформирована. Тотальный «кризис доверия» в стране обусловлен, с одной стороны, сильнейшим напряжением *адаптационного индивидуализма*, позволяющего населению справляться с тяжелыми проблемами выживания, а с другой стороны, неумолимым действием закона социального сравнения, когда люди отчетливо видят, что их снижающееся благосостояние, нарастающая бедность вполне сочетается с демонстративной роскошью и богатством «власть придержащих», живущих по законам «приятельского капитализма». Необходимо отметить, что данная тенденция способствовала формированию в современном российском обществе нового типа индивидуализма, в котором высокий уровень автономии по отношению к социуму и его институтам сочетается с противопоставлением им собственных правил и норм. По справедливому замечанию российского ученого В.В. Петухова, «российский индивидуализм – это индивидуализм людей, столкнувшихся с тяжелыми проблемами выживания, поэтому он и не дает пока импульсов к различным формам гражданской и профессиональной консолидации и солидаризма» [11, с. 63].

В России в «путинскую» эпоху утвердилась определенная культура недоверия, или, точнее, «кризис доверия». Россияне почти не видят возможности добиться изменений с помощью гражданской активности, и, таким образом, отсутствует важнейшая предпосылка для мотивации к гражданскому участию. Многие эксперты указывают на то, что доверие российских граждан внутри общества чрезвычайно мало, что российское общество представляет собой скорее общество индивидуализированное или даже атомизированное. Так, по оценкам Левада-Центра, только 26 % из 2000 опрошенных заявили, что они доверяют своим согражданам; почти половина опрошенных отметила, что взаимное доверие с 2003 г. в российском обществе ощутимо уменьшилось [8, с. 18]. К этому виду недоверия добавилось слабое проявление доверия к политической системе, прежде всего, вера в возможность участвовать в принятии решений, и формирования общезначимой повестки дня развития общества. Многие решения перестали приниматься с учетом мнения даже больших социально-значимых групп (проталкивание «сырого» 83-ФЗ – закона о

коммерциализации бюджетной сферы, проталкивание американской модели образования – ЕГЭ, «болонского процесса», которые подвергаются значительной критике со стороны партии, и т.д.).

В условиях, когда социум находится в перманентном реформационном состоянии, именно культурно-духовный фактор (система духовных ценностей, традиций, нравственных принципов, норм и пр.) приобретает особую важность, становится приоритетным во всей совокупности факторов развития (экономического, политического и т.д.). Однако на практике вместо реального процесса формирования общего социокультурного «фундамента», национальной идеи, способной сплотить россиян, политиками выстраивается примитивная стратегия на «пиаровское» манипулирование общественным сознанием, которые вызывают отторжение в обществе и раздражает больше, чем откровенный авторитаризм (вспомним выступление с Заявлением Л. Парфенова при вручении премии им. Вл. Листьева). Как следствие, социальная атомизация российского общества не преодолена. В итоге, «приращение» социального капитала в стране осуществляется крайне медленно. Данная ситуация не изменится в лучшую сторону если, как отмечает российский ученый Н.М. Плискевич, «на макроуровне власть будет замкнута на саму себя, решать свои проблемы в ущерб общественным, то и на микроуровне наиболее ярко будет проявляться адаптационный индивидуализм, не считающийся ни с чем, кроме собственной выгоды» [12, с. 59]. Опасность распространения данного типа индивидуализма в обществе кроется в том, что он способствует усилению как межличностного, так и институционального недоверия. К тому же, как считает американский политолог Р.Д. Патнем, «при отсутствии в обществе взаимности и структур гражданской вовлеченности вариант итальянского Юга – аморальная семейственность, клиентела, беззаконие, неэффективное управление и экономическая стагнация – представляется более вероятным исходом, чем успешная демократизация и экономический прогресс. В Палермо просматривается будущее Москвы» [27, р. 228]. В таких условиях говорить о «накоплении» национального, солидаризирующего общества, социального капитала не приходится, поскольку россияне не стремятся к объединению друг с другом ради решения общих проблем. Как следствие, они постепенно утрачивают способность к коллективному сопротивлению тем силам, которые грубо нарушают их права и свободы, не учитывают, не отстаивают их интересов.

Как показывает общемировая практика, пока проблема доверия не будет решена на уровне общностей, ее невозможно решить на уровне институтов. В этом случае ставится под сомнение сама возможность перехода от межличностного доверия к институциональному. Ведь прежде чем стать институциональным доверие должно пройти, как отмечают современные американские социальные философы, стадию социального факта, на которой формируется коллективная интенция двух и более субъектов в горизонтальной плоскости общественных связей [29]. В основе данных отношений лежит рационально делегированное доверие. При этом субъекты этих отношений принимают на себя определенные обязательства по поддержанию и институционализации данной социальной сети и способствуют тем самым «накоплению» социального капитала.

Следует отметить, что уровень доверия к политическим институтам в России на протяжении последних двух десятилетий остается стабильно невысоким. Уровень одобрения их деятельности с начала 1990-х гг. был низким. Это объясняется тем, что с неэффективной деятельностью правительства, парламента граждане связывали издержки процессов трансформации политической системы, экономического кризиса, что нашло отражение в их негативной оценке. Как следствие, за исключением символического доверия главе государства, традиционному для России, на сегодняшний день ни один государственный институт не имеет существенного ресурса доверия у населения. Однако стоит принять во внимание тот факт, что высокий уровень доверия к первым лицам государства (президенту и премьер-министру), не может полностью компенсировать недоверие к

государственным институтам и бюрократии. Среди общественных институтов выделяется только Русская православная церковь, доверие к которой среди населения остается стабильно высоким независимо от происходящих в стране политических и социально-экономических изменений.

Таким образом, «негативный фамилизм», фрагментация социальных отношений, выражающаяся, в том числе, в недоверии к согражданам, сопровождаются в современной России отсутствием доверия к государственным и политическим институтам, от которых люди ждут необходимой поддержки. Эти условия усиливают пассивность граждан. Большой коэффициент доверия президенту (на уровне 60–70 %), церкви (на уровне 40–50 %), армии (30–40 %) являются коррелятами системы, в которой от человека практически ничего не зависит. В таких условиях парадоксальная вера в Президента (при тотальном недоверии к патронируемому им государственному аппарату) воспринимается как последний предел надежды и имеет в своей основе нечто нерациональное. Отсюда столь чтимая обществом система «ручного управления», которая иллюзорно компенсирует низкую эффективность всей политической системы, в первую очередь, государственного управления. Самое главное, что несет с собой низкий уровень развития социального капитала и те особенности кризиса доверия в современной России – это сохранение и укрепление персоналистского режима власти: «...в отличие от дореволюционного прошлого, легитимность системы имеет не сакральную, а секулярную природу, хотя в представлении о верховном лице как народном заступнике можно усмотреть рудимент традиционных царистских иллюзий. В глазах населения верховное лицо, устанавливающееся благодаря выраженному акту народного доверия нечто вроде прямых и личных связей между собой и каждым гражданином, минуя все промежуточные инстанции, является тем самым субститутотом институциональных механизмов защиты и выражения народных прав и интересов. Пока эти отношения доверия существуют, все хорошее, что происходит в жизни общественного организма, приписывается ему. В то же время он (во всяком случае до поры, пока баланс плюсов и минусов не станет слишком проигрышным) не несет ответственности за ошибки и козни власти (и определяемое Конституцией положение *над* другими властями способствует этому) – наоборот, он по мере сил исправляет положение (как это было, например, в истории с «монетизацией льгот»)» [16, с. 25]. Все это формирует особый тип политической системы, который К.Г. Холодковский точно называет плебисцитарно-бюрократическим: «Плебисцитом в исторической традиции обычно именуют всеобщее голосование, фактической целью которого является не решение каких-либо вопросов (подразумеваемое при референдуме) и не выбор представителей властвующей элиты, но подтверждение доверия тому или иному верховному лицу (или утвердившейся системе власти). Речь идет именно не о выдвижении народом своего представителя и даже не о шумпетерианском выборе между представителями властной элиты, а об одобрении, утверждении выбора, сделанного «наверху». Таков и российский казус, когда утверждается выбор, сделанный узким кругом лиц, за отсутствием инструментов и каналов выдвижения кандидатур «снизу» [1] (нет ни реальных партий, агрегирующих интересы разных групп населения, ни развитого и авторитетного гражданского общества, ни вообще навыков, связей солидарности и объединения граждан). Поэтому режим, основанный на безусловном, не структурированном (т.е. не обусловленном выполнением тех или иных программ или достижением определенных целей) доверии такому олицетворению верховной власти, может быть назван плебисцитарным» [1, с. 27]. Следовательно, при гипертрофии персоналистской системы принятия решений, провале рационально организованной институциональной структуры, которые бы позволяли формировать демократические основания для рационально действующих политических субъектов, происходит резкое усиление бюрократии как главного, опорного элемента режима, все больше играющего внутри него самостоятельную роль. В плебисцитарно-бюрократической системе, где важен не столько институт, сколько лицо (по принципу «не место красит

человека, а человек – место»), говорить об устойчивости тенденции на политическую модернизацию, на реконверсию гражданской инициативы и инновации в консолидацию демократии не приходится.

В условиях перехода к задачам политической модернизации многие исследователи стали чаще выносить в центр обсуждения те вопросы в понимании роли гражданского общества в этом процессе, которые указывают на то, что гражданское общество единственное является средством формирования человеческого капитала и главным «хранилищем» социального капитала, без чего невозможно вести речь об успешности реализации любых проектов серьезной модернизации общества [2]. Важную роль в этом отношении играют сетевые структуры, структурными элементами которых выступают, как правило, некоммерческие организации (НКО). Еще раз повторим, что со второй половины XX в. структурным элементом, определяющим существование современного гражданского общества, практически всеми акторами были признаны некоммерческие, неправительственные организации – НКО. По мнению Ю. Хабермаса [18], роль этих организаций заключалась, прежде всего, в решении тех или иных социальных проблем путем их обнародования и привлечения внимания общественности. Таким образом, эти сюжеты из частной сферы перемещались в политическую или общественную. Данные общественные организации реализуют потенциал социального капитала, который является «социальным клеем», скрепляющим общество. Иными словами, НКО можно рассматривать как некий аккумулятор социального капитала, механизм, облегчающий людям обмен таким капиталом в их повседневной деятельности и упрощающий коммуникации между индивидами и властными структурами. Фактически неправительственные организации можно рассматривать как заполнение «структурных дыр» между уровнем межличностного взаимодействия и уровнем государства. Функционально НКО ни в коей мере не противоречат государственным интересам. Напротив, они обладают определенными полномочиями для выполнения своей структурной функции – ограничения произвола как управленческого аппарата, так и социальной безответственности бизнеса.

Как показывают последние исследования некоммерческого сообщества (И.А. Халий, О.В. Аксенова [15]), в данном сегменте гражданского общества наблюдается тенденция к коалиционной активности и созданию коалиционных структур для достижения своих целей: обмен информацией и опытом, выполнение совместных проектов, акций и кампаний и пр. Но одним из самых главных свидетельств солидаризации внутри данного сообщества, по мысли авторов исследования, можно считать крепнущую тенденцию на углубление гражданского образования, способствующего осознанию россиянами самих себя как граждан страны, формирующего у них гражданскую позицию, ответственное отношение к своей жизни и к развитию общества в целом, действительное восприятие реализующихся в современных условиях процессов [15, с. 248]. Все это, по мнению самих респондентов, будет способствовать включению более широких слоев граждан в активность НКО и сплочению самих общественных организаций как части формирующегося гражданского общества. В прежние годы такой ярко выраженной и четко сформулированной установки, реализующейся в виде конкретной социальной технологии – гражданского образования – не фиксировалось. Кроме того, гораздо больше, чем прежде, НКО уделяют внимание развитию гражданского общества в России, выделяя это как значимую в ряду других проблему и предлагая способы и методы действия в этом направлении.

Настрой некоммерческого сообщества на решение повседневных социальных проблем закономерно подводит их к осознанию необходимости взаимодействия с органами власти всех уровней, что является одним из необходимых условий консолидации общества. Более того, они становятся инициаторами такого взаимодействия, причем часто при отсутствии соответствующего стремления у представителей власти.

Особое место в иницирующемся НКО процессе взаимодействия с властями занимает налаживание диалога в формате переговоров, консультаций, «круглых столов» и прочих согласительных процедур. В результате появляются определенные механизмы и институты взаимодействия в виде совместных рабочих групп, эксперт-

ных советов, общественных палат, договоров о сотрудничестве и т.п., что свидетельствует о крепнущей тенденции углубления различных технологий межсекторного социального партнерства.

Исследования показали, что даже протестную активность НКО можно интерпретировать как их стремление к консолидации [15, с. 249]. Вскрывая назревшие проблемы, НКО привлекают к их решению заинтересованные стороны, способствуют формированию и манифестации позиций представителей власти и заинтересованных субъектов, предрасполагают к новой расстановке социальных сил общества. В конечном итоге, это приводит к установлению контактов между противоборствующими сторонами, развитию переговорного процесса, достижению согласия. Данные тенденции в свое время были зафиксированы исследованиями Л. Никовской и В. Якимца [9, с. 25]. Ученые выявили, что в «продвинутых» регионах (Санкт-Петербург, Пермь, Новосибирск) и сотрудники НКО, и госслужащие отметили, что в их взаимоотношениях присутствуют и негативные, и позитивные моменты, хотя доминируют все-таки позитивные. Был выявлен интересный феномен: для определенного типа регионов характерно *бимодальное распределение* оценок характера взаимодействия с разными масштабами «пиков» в негативной и позитивной частях шкалы, характеризующей взаимодействие. *Это такие регионы, где у НКО имеется четко выраженная позиция по ключевым вопросам социальной политики, которая не совпадает с позицией власти.* И поэтому наряду с разными формами сотрудничества, существуют противоречия (в виде конфронтации, разногласий, столкновений позиций и др.). Таким образом, подтверждается одна из важных закономерностей формирования представителями некоммерческого сообщества демократической консолидации общества, ориентированной на создание конкурентной среды во всех сферах жизнедеятельности общества при формулировании, продвижении и поддержании общих базовых ценностей (в отличие от унифицирующей консолидации, направленной на создание гомогенного социально-политического и идеологического порядка, который базируется на монополизме власти и на социально-патерналистских ориентациях населения и его основных общностей [13, с. 5]). И эта консолидация, которая основывается на реальном проявлении социального капитала, вырастает «снизу», из совместной кооперативной деятельности, в которой складывается базовая солидарность и проявляется в действии социальный капитал как устойчивая форма социальных сетевых взаимодействий на основании норм взаимности и доверия. И как правильно подметил А.В. Дмитриев, при таком типе консолидации общества «напряженность не всегда должна сниматься, а враждебные чувства, иногда и действия, канализироваться или подавляться. Конечно, конфликтность часто затрагивает основы единения, но может быть и орудием их упрочения, если участие в нем имеет локальный, частный, а не тотальный характер. Недовольство, которое довольно быстро разрешается или удовлетворяется, а не накапливается, способствует выживанию социума и системы» [6, с. 221].

Таким образом, проведенный анализ приводит к выводу, что гражданское общество следует рассматривать не как противовес, а как цемент – базис и фундамент «завтрашнего» российского государства. Гражданское общество должно работать, обеспечивая сплоченность общества «снизу». Гражданские инициативы создают поводы для привлечения все большего количества граждан страны к общественному полю деятельности. Тем самым, развивая гражданскую самоорганизацию, происходит, по сути, повышение включенности населения в контекст государственной управляемости, но не навязанной, не гомогенной, а живой, плюралистичной, причастной жить в единстве многообразия интересов. С другой стороны, всегда есть определенный уровень потребности в выражении общественной активности. Если в ее реализации не примет участие государство, этим займется кто-то еще – как в конструктивном, так и в протестном направлении. Развитие общественных организаций создает замкнутый цикл – они повышают причастность каждого гражданина к изменениям в своей стране. В то же время, по мере накопления опыта общественной работы, вероятность участия в этой сфере в дальнейшем увеличивается. Невозможно в этом отношении не согласиться с выводами Г.Г. Дилигенского, что «социальный и

культурный капитал создает весомые потенции дальнейшего развития гражданского общества. Ключевым моментом, определяющим вектор этого развития, являются отношения гражданских организаций с властью...» [5, с. 15].

Таким образом, гражданское общество является тем пространством, в рамках которого происходит формирование и сохранение социального капитала, которые цементируют страну «снизу». Именно это обеспечивает устойчивость общества, вне зависимости от перестановок «сверху». Социальный капитал в этом смысле формирует основы устойчивого социального и политического порядка. Обеспечивает возможность добровольного коллективного поведения. В конечном счете, социальный капитал, протягивая нити доверия и социальной солидарности, помогает упрочить каркас общества, содействуя его демократической консолидации. Важную роль в этом процесс, как было показано, играет характер взаимодействия власти и гражданского общества. Очень важно, чтобы усилия по развитию социального капитала стали результатом совместных усилий этих субъектов. А совместные усилия этих сторон, поиск баланса их стратегических интересов могут развиваться только в рамках социального партнерства в области общественных отношений.

Список литературы

1. «Сама мысль, что могут назначить лидером страны любого и еще попросят за него проголосовать, – пишет политолог, отнюдь не являющийся записным демократом, – подрывает уважение и к самому себе, и к своей власти, и к своей стране». (Ципко А. Русский XXI век: грядущее, которое нам не дано увидеть / А. Ципко // Вестник аналитики. – 2006. – № 3 (25). – С. 210–219.
2. Аузан А. Национальная формула модернизации / А. Аузан // Публичные лекции. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2009>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Аузан А. Общественный договор и гражданское общество / А. Аузан. – Режим доступа: <http://www/polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5 (ноябрь) – С. 45–53.
5. Дилигенский Г. Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? / Г. Г. Дилигенский // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4. – С. 10–19.
6. Дмитриев А. В. Деэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов / А. В. Дмитриев // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М. : ИС РАН, 2010. – С. 220–229.
7. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 120–129.
8. ЛЕВАДА-ЦЕНТР 2008. Общественное мнение. – М., 2008. – 30 с.
9. Никовская Л. И. От конфликта к межсекторному партнерству / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2003. – № 1 (21). – Том IV. – С. 20–28.
10. Патнэм Р. Процветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь / Р. Патнэм // МЭиМО. – 1995. – № 4.
11. Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян / В. В. Петухов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 60–69.
12. Плискевич Н. М. «Экономика – язык – культура». К итогам дискуссии / Н. М. Плискевич // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 49–59.
13. Условия и возможности консолидации российского общества : сб. науч. тр. СИ РАН / отв. ред. : А. В. Дука, И. И. Елисеева. – СПб. : Нестор-История, 2010. – 289 с.
14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М., 2004. – 321 с.
15. Халий И. А. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов / И. А. Халий, О. В. Аксенова // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М. : ИС РАН, 2010. – С. 235–259.
16. Холодковский К. Г. К вопросу о политической системе современной России / К. Г. Холодковский // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 20–29.
17. Becker G. S. Human capital / G. S. Becker. – N.Y., 1964.
18. Habermas J. The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Trans. By T. Burger with F. Lawrence / J. Habermas. – Cambridge: Polity Press, 1992.

19. *Hanifan L. J.* The community center / L. J. Hanifan. – Boston, 1920.
20. *Lin N.* Conceptualizing social support // Social support, life events and depression / Ed. by N. Lin, A. Dean, W. Ensel. – Orlando, 1986.
21. *Mishler W.* What ate otigins of political trust? Testing institutional and cultural theories in Post-Communist societies / W. Mishler, R. Rose // Comparative political studies. – 2001. – № 1. – February. – Vol. 34.
22. *Nicols T.* Russian democracy and social capital / T. Nicols // Social science information. – 1996. – Vol. 35. – № 4.
23. *Ohr N.* Social capital in Rural Russia: legacies of the soviet era. – The Kennan' Institute for advanced Russian studies / N. Ohr. – Washington, 1997. – 26–27 September.
24. *Portes A.* Socil capital: its origins and application in modern sociology / A. Portes // Annual review of sociology. – 1998. – Vol. 24.
25. *Putnam R. D.* Bowling alone: America's declining social capital / R. D. Putnam // Journal of democracy. – 1995. – Vol. 6. – № 1. – January. – P. 65–78.
26. *Putnam R. D.* Bowling alone: America's declining social capital // Journal of democracy. – 1995. – Vol. 6. – № 1. – January.
27. *Putnam R. D.* Making democracy work: civic traditions in modern Italy / R. D. Putnam, R. Leonardi, R. Y. Nanetti. – Princeton : Princeton University Press. – N.Y., 1993.
28. *Putnam R. D.* Making democracy work: civic traditions in modern Italy / R. D. Putnam, R. Leonardi, R. Y. Nanetti. – N.Y., 1993.
29. *Searle J. R.* Mind, language and society: philosophy in the real world / J. R. Searle. – N.Y., 2000.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XX И НАЧАЛЕ XXI вв.
(на примере Республики Калмыкия)**

**Н.Г. Очирова
(Россия, г. Элиста)**

Статья посвящена анализу изменений в структуре населения Республики Калмыкия в контексте трансформационных процессов в переходный период развития Российской Федерации. Автором проанализирован ряд таких показателей, как коэффициент естественного прироста и естественной убыли населения, миграционный отток и приток населения, которые напрямую зависели от преобразований начала 1990-х гг., повлекших за собой кардинальную модернизацию политической и экономической системы государства. Реформирование прежде всего экономической системы Республики Калмыкии, по мнению автора статьи, сбалансирует демографические показатели.

Ключевые слова: трансформация, модернизация, социально-демографическая структура населения, переходный период, естественный прирост населения, естественная убыль населения, миграции, Калмыкия.

The article is devoted to the analysis of changes in structure of the population of Republic of Kalmykia in the context transformation processes in a transition period of development of the Russian Federation. The author analyses a number of such indicators, as coefficient a natural increase and decline in population, migratory outflow and inflow of the population which directly depended on transformations of the beginning of 1990th years having caused cardinal modernization of political and economic systems of the state. The reforming first of all of economic system of Republic of Kalmykia, in author's opinion, will balance the vital statistics.

Key words: transformation, modernization, social and demographic structure of population, transition period, natural population growth, natural decline in the population, migrations, Kalmykia.

В начале 1990-х гг. вектор общественного развития в России резко изменился в сторону частного интереса. Начался демонтаж Советского государства и переход к рыночной экономике капиталистического типа на основе либеральной идеологии и политики, монетаристской концепции с ее культом денег, отвечающей в большей степени интересам новых буржуазных слоев общества, западных монополий, нежели национальным приоритетам развития России. Либеральные монетарные реформы и поспешность, с которой они осуществлялись, практически не учитывали цивилизационных, формационных и национальных особенностей России, менталитета ее народа, природно-климатических условий и др. Вследствие всего этого обнаружился